

А. В. Губарев

Алешкино горе

Алексей Васильевич Губарев

Алешкино горе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63387441

SelfPub; 2020

Аннотация

В книге представлены две небольшие работы. Одна повествует о кратком периоде детства, где герой получает серьезный жизненный урок. Вторая – шуточное изложение на религиозную тему.

Алексей Губарев

Алешкино горе

Тот светлый и очень короткий период, именуемый отрочеством, для Алешки наступил в Отрадо-Кубанской, когда родители оставили его в станице на все лето. Из опасения за "дробненького" внука(так на Кубани называют тщедушных, хиленьких детей) в круг местной шпаны Алешку ввела бабушка, определив в опекуны "городскому гусю" крепкого и разбитного Борьку с наказом не давать мальчика в обиду. Местная братия из озорства и, таким образом закаляя характер, просто обожала драки без всякого на то повода. Вздувшаяся губа, опухший нос или синяк под глазом у станичной пацанвы обычное, не стоящее внимания украшение. Тем же вечером сердобольная бабушка оповестила об этом свою соседку – Иваненчиху Ленку, Борькину мамку, для пущей уверенности в безопасности наследника. А потому, как Борька был на целых шесть лет старше, то он быстро смекнул, что пустая обуза ему ни к чему, и тут же сбагрил "балласт" своему младшему брату Леньке. Тот же, будучи забиякой и драчуном, в благотворительность не верил и обнаруживать в этой блажи даже мало-мальский интерес не собирался. По этой причине не менее сообразительный брательник и впарил Алешке в друзья своего ровесника Витьку Гембуха, который от рождения был слабоумным и не ходил в школу,

да в довесок пятилетнего Генку Булкина. Таким образом какие-никакие условия безопасности приезжому были созданы и случись что, свалить вину было на кого. Волею судьбы Алешка оказался в самой невыгоднейшей для новичка позиции. Внешних врагов компании из трех мальчишек да на своей территории вряд ли найдись. Витька естественно был сильнее, но и отчаянно глуп. А Генку Алешка запросто мог обогнать в беге. Из этого выходило, что первого всегда можно провести, а в случае вынужденного драпа схватят второго. И закрутилось.

В короткий срок чего только не перепробовал трусоватый, но умеющий подначивать на всевозможные проделки, при этом порой лавируя на грани фола, Алешка. Уже через пару дней он подстрекнул новоиспеченных товарищей забраться в чужой сад, где вызревающие вишни уже несколько дней искушали городской взор своим аппетитным видом и тем не давали Алешке покоя. Хозяева оказались на стреме и налет с треском провалился. Генка попался первым, потому что не смог перемахнуть забор. Туда-то его посадили, а вот в обратном направлении преграда оказалась непреодолимой из-за занятости организаторов спасением собственных шкур. Пойманный тут же продал смывшихся подельников. Витьку садоводы знали как облупленного. Поэтому угрозы рассказать о его проделках родителям возымели на горе-жулика самое неудобное из всех возможных для притаившего-

ся в придорожной канаве Алешки действие. Нужно сказать, что отец у Витьки был чрезмерно, даже болезненно строгим. Витька не без оснований боялся скорого на расправу папашу. И как ловкач ни старался из густой амброзии убедить друга не бояться и не слушать сердитый вздор потревоженных взрослых, недолго подумав, Витька нехотя поплелся сдаваться в плен. Обескураженному хитрецу ничего не оставалось, как выбраться из надежного укрытия и, поникши головой, волочиться за Витькой. Зарвавшейся троице крепко надрали уши и отпустили со строгим напутствием на будущее. Этот неожиданный удар Алешка вынес и переживал ровно столько, сколько горели уши, а оправившись снова с азартом принялся шкродить. И уже чуть погодя они попались на очередной проделке. На этот раз юному дурню заблажилось подоить привязанного к колышку одинокого козла. Возжелал неугомонный отрок отведать дармового молочка. Страстно и неотвратно возжелал. Не имея ни малейшего понятия о различии козы и козла, он подговорил Витьку с Генкой помочь ему обтяпать это деликатное дельце. Истерику закатила баба Зина, в просвет плетня увидев мучителей с усердием гоняющих по кругу немало удивленного козла. Сполна вкусив очередных нравоучений и просидев пару дней под домашним арестом, подельники воссоединились, став более осмотрительными. Теперь из скуки они научили несмышлениша Генку съедать пойманных бабочек, а Алешка, беря пример с Витьки, в короткий срок закурил, подбирая в посадке "быч-

ки" или ловко скручивая сигарки из сухих листьев.

Чего только не выдумывал Алешка в стараниях избавиться от назойливой и всепроникающей деревенской скуки, оставаясь один и томясь под монотонное клацанье ходиков. То за домом в зарослях акации сделает штаб и сидит там, пока бабушка не загонит спать; то в палисаднике из интереса посеет пшеницу; то, вдруг, начнет из глины лепить посуду и пытаться обжечь ее в костре или заберется в погреб за жабой. Подолгу мог, перевесившись в колодец, извлекать из холодной глубины эхо. Перехилится и угукает себе. А то, вдруг, высунет наружу влажмоченную белобрысую головешку, быстро осмотрится и ругательное словцо выкрикнет в гулкую черную пустоту. Было и часами торчал Алешка у невысыхающей лужи, что обжилась на углу подле колонки. А иной раз займется дразнить ос, тыкая палкой в ихние гнезда. Горел страстями малец. С головой бросался то в одну затею, то в другую. Руки словно чесались. И каждое мероприятие оканчивалось плачевно. Сладит рогатку, глядишь окно рассобачил. Займется рыбалкой, так чужую лодку течение понесло.

Но больше всего шалопай любил в компании дружков шляться по округе и ни о чем не думать. Поэтому с самого ранья, наспех позавтракав, он отирался под Витькиной или Генкиной калитками, поджидая товарищей.

Всякий раз, оказавшись у железной дороги, гоп-компания выбирала момент и ныряла под товарный вагон. Там баловни, перепачкавшись в мазуте, старалась высидеть не замеченными обходчиком, пока состав не даст длинный гудок и станет трогаться. А как с лязгом и грохотом вагоны дернутся, ловко выкатывались из-под них. И на ток ходили несколько раз валяться в кучах пшеницы, а потом долго чихали и чесались. И, провонявшись соляжкой, в тракторе ездили по полю, упросив доброго дядьку покатать их. До головной боли кувыркались в стогах соломы или подбрасывали на тропинку пустой кошелек на ниточке, чтобы посмеяться над бестолковыми старушками.

В дождливые дни охломоны сидели каждый в своем доме. В зной же частенько ходили на "ту сторону" станицы, через железнодорожное полотно, к клубу. Там у стены стоял огромный бак, куда стекала дождевая вода. В этой затхлой зеленой воде они и купались до одури, набивая шишки и стесывая на локтях и коленках кожу. А, наглотавшись до икоты вонючей дряни, уставшие волочились в посадку у вокзала, чтобы покурить. Один раз они напросились в компанию к Борьке и ездили в телеге с сеном на речку в Ольговку, что в двенадцати километрах. Это маленькое путешествие подарило Алешке неизгладимые переживания первого прикосновения к взрослению и обретению самостоятельности.

Немного погодя, шайка махнула на площадке вагона "товарняка" аж на станцию Гулькевичи и в станицу воротились уже затемно. Отведав очередного наказания, они пехом на хутор Мавринский забрели из непонятной прихоти. Нравилось им болтаться где ни попадя и бездельничать. Не давал бродяжий дух им ни минуты продыху.

Как-то их, шатающихся в одной из глухих улочек, окликнул строгого вида дед. Привыкшие пакостить, они было рванули наутек – так на всякий случай. Но дед докричался. Он заверил, что даст денег, если почистят ему колодец. В отличии от дурачка, городской Алешка цену деньгам знал, и знал хорошо. Он и уболтал Витьку поработать. На правах более сильного Витька несколько противился уговорам, но в колодец опустили все-таки его. На дне оказалось так много грязи, что освободились они далеко за полдень. Дед отвалил им за ратный труд аж три рубля. Это было неслыханное богатство. Витька по праву забрал деньги себе. Но совсем не надолго. Не умел Алешкин дружок считать, а Генка и вовсе не понимал, что происходит. Поэтому в первом же магазине, что у вокзала, один рубль из сдачи чудесным образом оказался у Алешки в кармане.

Витька хоть и был слабоумным, а жизнь на широкую ногу приветствовал. Купил он себе красивую белую пачку си-

гарет "Троя", а к ним, подавшись Алешкиным наущениям, потаявших и слипшихся конфет карамель "Сливовая". В посадке они до чертиков накурились и так объелись конфет, что, невзирая на разошедшийся солнцепек, галопом мчались к ближайшей колонке на водопой.

Выхитренный рубль Алешка истратил быстро. Уж очень он был неравнодушен к драже "Фундук в шоколаде". Потому с утра, в самый безопасный час, когда шантрапа еще дрыхнет, тосковал на углу улицы в ожидании открытия магазина, чтобы на двадцать пять копеек купить горсть искушения. Напоследок он всегда оставлял самый большой катышек лакомства и очень расстраивался, если орешек внутри толстого слоя глазури оказывался мал и радовался, когда случалось наоборот. Но деревня не город. Здесь все на виду.

– Алеша, а иде ты узял дэньги на конхвэты? – бабушке, регулярно посещавшей магазин, продавщица донесла, что Алешка зачастил к прилавку и тратится на конфеты.

– На какие конфеты? – встрепенулся, застигнутый врасплох, Алешка.

– Та на каки! На горошек у шоколаде. Той, шо у магазине вчорась вутром покупав.

– А..., – протянул он, мысленно ища подходящий ответ, – я рубль, бабушка, нашел. Железный.

Беззастенчиво врал Алешка. Но волновался, что афера со сдачей, за которую от Витьки можно схлопотать по шее, явится миру.

– Бабушка, а что!

– Та ничего особэнного, а шо утаив, шо нэ казав мне за дэньги? Витбырать бы нэ стала. Иде ты найшев той рубиль? – выпытывала бабушка.

– Я забыл сказать, – проямлил он, и тут же – Он возле тропинки, где вокзал в траве валялся.

– А шо ты до вокзала ходыв? Небось паразит Гэмбух тэбэ туды увел?

– Не-е, я сам ходил.

– А хто тибэ разрейшив одному так далеко забираться? Ще хулыганы поколотят.

Тут бабушку, подумавшую было, что деньги потерял какой-то пьяница, окликнула подошедшая к калитке почта-

льонша и лгунишка, все глубже увязающий в собственной лжи, был спасен. Воспользовавшись паузой, он юркнул в калитку и быстренько смылся подальше от глаз.

И все бы ничего. Закончиться бы лету. Уехать бы, повадившемуся беспросветно шалить, Алешке. Ан, нет. Есть он, Бог-то! Все на свете может преображаться. Возьми любую девку. Выползет с утра из горницы лахудра лахудрой. А пол часа у зеркала: тени, помада, лак, плойка – и совсем другое дело. Месяца не прошло, а Алешку от местного казачонка не отличить. Волос в пшеницу выгорел, штаны подвернуты по щиколотку, рубаха на двойном узле у пупа и непременно босиком. Даже не хромает, как наколет пятку об колючку акации. Выдернет занозу, выдавит капельку крови и пошел себе дальше, а то и бегом, если, вдруг, гуляющий неподалеку бык копытом начнет пыль поднимать.

Так вот. Обычно, как стемнеет, повзрослевшая станичная молодежь собиралась за пару кварталов от улицы Октябрьской, где гостил Алешка. Гомон, свист и рев мопедов малышня слышала конечно. Было и подкрадывалась посмотреть из любопытства на сборище. Но всегда находился, кто их заметит и отгонит. Мало ли чего. Займись драке, а тут мелюзга под ногами.

А однажды соберись спонтанно толпе на углу Октябр-

ской, прямо у трансформаторной будки. Да много так собралось и многие на технике. Кто на "Риге" приехал, кто на "ПВЗ". У одного паренька даже мопед "Карпаты" был. Мотоциклы тоже разные были: "Ява" красная, "Минск" тоже красный, но светлее и без блеска, что у "Явы". И получилось, что малышню не отгонишь – бабушки, мамки недалеко. Пришлось компании снизойти и подпустить мальцов. А те, кто во что. Витька сразу курить, Генка клянчить у старших всякую чепуху. Алешку же заморозили мопеды и разговоры об них, а особенно запах. Пахло от мопедов как-то особенно. Ново пахло. Тут и пропал Алешка. Нашлось на него убийство. Особенно марка "ПВЗ" понравилась, и более которые зеленого цвета. А синие вот не так легли детскому сердечку, хотя были точно такие же. Нет, в городе у него был велик. "Орленок". Гонял он на нем чуть не до самого снега. А пропал мальчуган увидевши вблизи мопед.

Порой удивляешься, как много значит время. Не больше часа Алешка пробыл во взрослой компании, а сколько всего набрался! Узнал, мопеды все называют "моторчик", что двигатели Д4 есть, а есть Д5 и даже Д6. Что, который маркируется Д4 хоть и устарел, но отчего-то лучше новых. А заводы делать его перестали. Про различные амортизаторы также узнал, про барабанные тормоза. А также уразумел, что заводить мопед лучше с "толкача", чем педали крутить. И вообще все местные старались педали просто выбросить, а

вместо их вставляли короткие трубки, чтобы ноги не на весу держать.

Про сцепление и регулировку карбюратора разговоры Алешка не совсем понял, но решил отложить это на потом. Зато "зарубил на носу" где можно разжиться дешевым бензином. Ему разрешили и он потрогал заманчивый предмет. Ручку газа Алешка покрутил запросто, а вот выжать тормоз не смог. Силенок не хватило. С этого вечера его мысли занимали только мопеды. Даже остаток каникул словно испарился. А все из-за жгучего желания обрести мопед.

По возвращении в город накал Алешкиной страсти несколько поутих. Отвлекла учеба, друзья, рыбалка на море, городские интересы. А зеленого цвета мопед не оставлял Алешку и приходил к нему, хоть и в редких снах. С новой силой мечтательный жар всколыхнул Алешкино сознание на следующее лето. Так уж случилось, что его снова отправили в Отрадо-Кубанскую.

Люди порой не предполагают, как много значит год в жизни. А на самом деле это значение осязаемое. Объявившись в станице Алешка был немало разочарован. За зиму Гембух Витька вымахал настолько, что далее водиться с ним не представлялось возможным. В новом облике этот бугай мог и по шее запросто накомстылять, что в Алешкины планы

никак не входило. Да и подчинить, хоть и глупого, здоровяка своим интересам теперь гляделось весьма призрачным. Их дорожки разошлись. Семья же Генки Булкина переехала в другое село. Иваненкова Борьку забрали в армию, а Ленька был в длительном отъезде с отцом. Пришлось Алешке, свое временно отмежевавшись от Гембуха, приспособливаться к одиночеству. Если бы не деятельная натура и авантюрные наклонности, скучать бы Алешке. Но Алешка, беспросветно влюбленный в жизнь, этого позволить не мог. Первые пару дней он заново обследовал округу. Оказалось, что приставать и тем более лупить его некому. Станица словно вымерла. По вечерам не было слышно залихватского свиста, гогота и криков. В общем молодежь разъехалась, а мелюзга на смену не подросла.

Алешка с опаской, но пару раз и на той стороне был. Даже к клубу пробрался, где с удивлением обнаружил, что огромный бак с дождевой водой исчез, а вместо него стояла ржавая бочка. Неделию спустя он настолько осмелел, что все детские его тревоги растаяли, словно утренний туман. Кроме одной. Нет-нет, а мимо и пронесется мопед, отчего сердечко и сожмется. По этой причине открылась прежняя рана. И так заныло мальчишечье нутро, равно у пропащего алкоголика, что нет никакого спасу. Тут-то и вспомнись Алешке железная дорога. Там, а это совсем недалеко – всего-то дойти до конца улицы и преодолеть небольшой пустырь, ча-

сто останавливались "товарняки" груженные металлоломом. Прошное лето с дружками баловал Алешка, залезая под вагоны и споро выкарабкиваясь из-под них, как состав тронется. А в это лето поездам нашлось более весомое значение. Мальчуковый взор недолог, но цепок. Вспомнилось Алешке, что и колеса он видел в вагонных металлических кучах, и рамы велосипедные мелькали, рули и прочий хлам.

План в горячей головушке созрел молниеносно. В три дня Алешка уже знал что и как он будет делать. Эти три дня он безвылазно околачивался у магазина, который в аккурат на окраине посадки возле вокзала расположился. Там он дожидался оставленного мопеда и тщательно изучал его. А изучать особенно было и нечего. Свой велик он давно сам ремонтировал. Потому, как помощи от отца ждать долго, быстрее самому сделать. Он и вечно слетающую цепь отладить смог, и педали починил и во втулке с устройством лепестковых тормозов разобрался, когда они перестали работать. Камеры умело извлекал и сам латки клеил на них. В общем руки у мальчишки откуда надо росли, а нетерпение жить на всю катушку подгоняло, словно размоченные розги. По соединении этих условий и решил он сам собрать себе мопед.

Подобрать слова о том, что переживает юный воришка, соскакивая с набирающего ход вагона на серую щебенчатую насыпь, как трепещется маленькое сердечко забравшегося на

вагон огольца, когда состав вдруг даст длинный гудок или его заметит сердитый обходчик возможности нет. А сколько раз Алешка прыгивал на ходу, сколько раз уже было решился ехать в вагоне до Гулькевичей, но все-таки спрыгнул, сколько повытаскал он ненужного барахла из намертво переплетенных куч, сколько раз просто не хватило детских силенок извлечь так необходимое колесо или руль, знает только он один. И какая дикая обида выдавила из него долгие горькие слезы, что лето закончилось, а за сажем, где бабушка держала кабана, валялась только одинокая мопедная рама и та синяя, известно только ему. Ничего в свете нет горше напрасных стараний.

Вроде чего еще готовить судьбе, какие испытания преподнести неугомонному отроку. Но на этом не закончились Алешкины беды. Надо было к весне случиться так, что в центре города в магазине в продаже появились злополучные ПВЗ, а Алешке, удрав с уроков, забрести в универмаг. Новенькая заветная мечта зеленого цвета вышибла из Алешкиных глаз короткие слезы. Сто четырнадцать рублей стоила мечта. Каких-то сто четырнадцать рублей и вот оно – счастье. Алешка же самое многое мог рассчитывать от родителей только на двадцать.

Может так бы и успокоиться всему этому. Улеглось бы ведь со временем. Время оно лечит раны. Так и Алешка вы-

здоровел бы в конце-концов. Не тут-то было. Случись, как на зло, общешкольному собранию. Алешка такие мероприятия старался не посещать, только чтобы держать марку неподдающегося воспитанию обормота. А тут улизнуть не удалось. Проворные комсомольцы из старших классов умудрились зажать всех охломонов и силком затащили в спортзал. На беду разговор был о летнем трудовом лагере.

Поехал бы Алешка собирать овощи? Жди! Он лучше на рыбалках пропадать будет. От дома до моря рукой подать. Но тут завучка торжественно объявила, что кто из участников в каждой группе станет победителем, а именно сдаст приемщику больше всего продукта, получит премию в сто рублей. От этой новости Алешка аж онемел и перестал дурачиться, чем в обычности занимался безостановочно. Выходило, что всего июль провел в лагере и получи сто рублей. Останется у родителей четырнадцать рублей выпросить и всего-то. Не совсем веря, что дело собственно можно считать "в шляпе", Алешка без конца приставал к "классной".

– Елена Михайловна, а правда премия за трудовой лагерь будет сто рублей?

– Правда – заверяла учительница химии, будучи классным руководителем.

– Это точно? А всем победителям дадут или только одному? (Если всего одному, то шансов нет. Достанется какому-нибудь комсомольцу или как обычно водителю).

– Да всем, всем. Завуч же сказала, что принято решение дать премию победителю в каждой группе.

– Елена Михайловна! Елена Михайловна! А сколько человек в группе будет?

– Да что ты пристал. Приедешь в лагерь там все скажут.

– А точно премия будет сто рублей? Точно? – не совсем веря свалившемуся счастьем продолжал приставать Алешка.

– Точно-точно – добро рассмеялась учительница.

Как нужны были мальчишке сто рублей! Кое-как Алешка дождался отправки в трудовой лагерь. Лагерь организовали недалеко от города в совхозе "Мичуринский". Всего-то километрах в семи от окраинных городских домов.

По приезду распределили учеников по группам и снова провели долгое собрание. О том, что так волновало Алешку говорили уверенно и сумма премии и условия ее получения не изменились. Победил – получай награду. Подроб-

но рассказали о режиме, гигиене и призвали к соблюдению дисциплины, особенно в летней столовой. Ко всему оповестили, что задача присутствующих собирать на поле созревшие кабачки. И со следующего дня соревнование началось. Каждому выдали ведро и после завтрака вывезли на поле. Обед прямо на поле, и только вечером обратно в лагерь. И так каждый день. Хоть среда тебе, хоть воскресенье.

Алешка мгновенно переменялся и переменялся до неузнаваемости. Дружки дурачатся, зазывают отлынивать от работы, всячески искушают. Алешка на них ноль внимания, он работает. Даже курить бросил. Напропалую работает. Ничто его не отвлекает. Руки исцарапал о колючие стебли кабачка, росой до колен промолил ноги, в кедах жижа, искусан комарами, дышит как паровоз, таская тяжеленное ведро. Одноклассники смеются над ним, а он вкалывает себе. Из последних силенок карабкается к намеченной цели. В обед все медленно кушают. А он глотать-глотать, и в поле. Где им несчастным знать, как Алешке этих сто проклятых рублей надобны?

Все в посадку уйдут передохнуть, а он на солнцепеке продолжает кабачки таскать к куче. И при том ревностно следит приплюсовал ли учетчик сданное им ведро. Многие хитрят. Подойдет подобный делега к пункту сбора, покажет ведро с кабачками. Учетчик поставит "плюсик", а мошенник кабач-

ки не высыпет из ведра, а постоит в сторонке, потрется среди сдающих собранное и снова к учетчику с тем же ведром. Алешка нет. Он по-честному потом обливается. И не просто, а всё бегом по полю носится. Сердце на жаре из груди вылетает, ноги гудят, а он бегом да бегом, без остановки. Да еще не дай Бог визнает, что у кого-то на ведро больше на учете окажется стоять. Тут не остановить бедового. Не успокоится до тех пор, пока больше всего за ним ведер не будет. И так до самых сумерек. После ужина ему не до развлечений. На вечерней линейке стоя засыпает. В кровать замертво валится.

Первый звоночек прозвенел спустя полмесяца. В лагере состоялось очередное собрание и были оглашены предварительные итоги. Несколько странным оказалось, но Алешка в представленных галдящему на все лады сборищу лидерах свою фамилию не услышал. Его волнений в эти минуты не описать. Едва дождавшись окончания линейки и будучи прямолинейным, он побежал к старосте в остром желании прояснить ситуацию. Тут битню судьбы несказанно повезло. Ответственный староста не поленился и позвал учетчика с табелем. Изучив документ, он заверил, что Алешка действительно в группе лучший, обвел его фамилию и пообещал разобраться, почему про Алешку забыли. А пока похвалил мальчика и сказал, что темп сбавлять нельзя, а даже желательно постараться работать еще усерднее.

– А премия сто рублей будет, да? – не преминул уточнить Алешка.

– Да сто, сто. Иди, мальчик, работай...

Непоседливым был Алешка и бесшабашно буйным в за-
теях. Этого не отнять. Но был и простофилей, каких не сыс-
кать во всем свете. И о хитросплетениях, низости отноше-
ний среди людей, о самой жизни и подлой ее подоплеке еще
ничего не знал. Про активистов, подхалимов, хитрецов и то,
что лавры только для них предназначены понятия не имел.
Наивен был Алешка, прозрачен. Поэтому окрыленный обе-
щанием старосты с двойным усердием ввязался в завершаю-
щую фазу битвы за желанный приз. И выиграл ведь! Послед-
ние силенки положил на поле, а выиграл.

Самым тяжелым выдался последний день работ. Уж и по-
бегал тут Алешка, волоча тяжеленное ведро. Даже пару раз
шлепнулся. Дело осложнялось тем, что в этот раз рядок ему
выделили самый дальний и приходилось перескакивать мно-
жество чужих рядков. Но это распределение было справед-
ливо и Алешка не противился судьбе. Ему было невыноси-
мо тяжело бегать на такие расстояния. Накопилась общая
усталость, поэтому аж голова кружилась у мальчугана от на-
валившейся слабости. Но и в этот день он все-таки принес
учетчику больше всех ведер с кабачками. Помогла смекал-

ка. В ведро вмещалось три – четыре кабачка. Еще два Алешка совал в подмышки и по дороге где-нибудь клал их между рядками на землю. Сделав несколько таких ходок он значительно выигрывал во времени, подбирая и сдавая заранее заготовленный овощ.

Беда случилась в день отъезда на заключительной линейке. Да еще какая беда! Трагической развязки ничего не предвещало. Все шло своим чередом. Алешкино горе грянуло, как гром среди ясного неба.

После подведения итогов началась торжественная часть. Перед всем лагерем вывели победителей. Было празднично и честно. Старания Алешки не прошли даром. Он заслуженно гордо стоял среди победителей. Лучших вовсю хвалили и поздравляли с достижениями. Правда не заметили, что Алешка сдал ведер и больше любого победителя. Не обратили внимание и на осунувшееся, потемневшее от загара Алешкино лицо. Но эта мелочь против того, что его труд все-таки заметили и оценили. Все это время счастливчик терпеливо ждал, когда же начнут раздавать премии, думал об оставшихся двадцати рублях и был опьянен радостью.

И тут мир раскололся. Завучка, та самая завучка, которая прилюдно обещала победителям премию в сто рублей, вдруг, объявляя фамилии победителей говорила: – ... награждает-

ся почетной грамотой и премией размером в три рубля. И все дружно этому аплодировали.

Земля ушла из под ног призера, а слезы прям посыпались из глаз несчастного. Большая страна, содержащая на своем загорбке несколько стран, пускающая в космос корабли и строящая огромные лайнеры не сдержала своих обещаний и убила ребячью мечту. Не смогла она найти в своих закромах каких-то ста рублей, обещанных ста рублей для детского счастья.

Алешка, ревущий взхлеб, не стал ждать ни жалкой по-дачки, ни конца дурацкой линейки, даже не зашел в сырой барак за зубной щеткой и полотенцем. Не откликнулся он и на завучихино: – Мальчик, что случилось? Ты куда?

Он, рыдающий, с исцарапанными по локти руками и в расчесанных комариных укусах, чуть не бегом пошел прочь из ненавистного лагеря и все семь километров ревя в голос, проклиная завучку, Елену Михайловну, старосту и кабачки шел домой, в бессильной злобе рубя палкой придорожный бурьян.

– Сто-о-о рубле-е-ей! Сто-о-о-о рубле-е-э-э-эй! – беспре-станно всхлипывая подвывал несчастный, размазывая на ще-ках грязь со слезами и вытирая рукавом сопли.

– Ы-ы-ы-и-и, сто рубле-е-ей, – скулил он, – обеща-а-али...
Га-ад-ы-и-ы...

Даже когда его нагнала машина и какой-то обеспокоенный взрослый пытался с ним заговорить, он, еще горше разрыдавшись из жалости к себе и от накатившей обиды, юркнул в посадку и удрал от преследователя.

А за август он повзрослел. И до самого выпуска из школы никакие уговоры, никакие посулы, увещевания и угрозы не допустить его к занятиям, не принять его в комсомол, ни даже мольбы мамы, не знающей истинной причины сыновнего бунта, не смогли сломить восставшую волю, пустившие корни ненависть и внутреннее неприятие к обманщикам, чтобы снова хоть раз позволить загнать себя в трудовой лагерь. В этом он остался непреклонен.

Моя христианская проповедь

Любезный отрок, отвлекись от дел насущных и слух свой направь ко словам моим. Внемли гласу спокойному, но строгому с разумением. Кайся, раб Божий, и рассуждай про себя об житии теперешнем и что приготовлено тебе будущим. Ты появился в земле христианской и уйдёшь туда же, будь ты раскольник или какой протестант, а хоть и не носи кре-

ста вовсе или даже ходи с клеймом проклят. Пройдёт время и немалое, вызреешь ты из детских шалостей для дел земных и праведных. И окажется у тебя мечта, наметившая собой присвоить статус дела всей жизни. И гореть задумкой своею да руки тянуть к ней станешь всевременно, хоть и напрасно, чему много причин явится. Но настанет час и возмужаешь ты вдруг, и как-нибудь возольешь в жаждущее нутро свое от этого прохладного вина. И примешь этого демонического зелья с излишком. И случится это в каком-нибудь кафетерии или ресторации. И будет в том месте дева, как говорят, несчастной наружности, словно окажется уродиться бы ей обладательницей свиноподобного рыла либо фигуры необычайной размытости. Но ты в облике её будешь видеть только хорошее, только лишь лик её чистый и ко всему зреть вокруг сможешь одни красоты неописуемые. И дружки твои будут всячески возвышать достоинства этого создания и потворствовать твоему непреодолимому влечению, непрерывно подливая в чашу твою браги, а закуску старательно отодвигая подале. И найдёт на тебя помрачение ума. И потому станешь ты поперёк девичьей тропы и ублажать станешь особь эту, балуя её воображение конфетами и радуя взор её томный цветочками. И пойдёт дело к свадьбе. И скажет архангел, который всегда с веткою в руке: – Да будет так! И скажет другой архангел, что пикою вооружен: – Пусть и будет. И соберёшься ты с друзьями своими на тайную вечерю. И будешь вино пить с ними без меры, песни всюю распе-

вать и слушать щекочущие душу хвалебны от них. И состоится вскоре свадьба твоя; распахнет дверцу белое авто, соберутся люди, а разукрашенная лахудра произведёт на асфальте первую семейную борозду, волоча за собой долгую фату. Разойдется гуляние; в кровь передерутся гости, расквася носы друг дружке и надавая добрых оплеух, полы усеет расколоченная во множестве фаянсовая посуда. И настанет ночь брачная. А по полуночи, вдоволь наговорившись о пустом, задерешь ты самым бессовестным образом невесте своей ступни, которые удались размеру твоего в некоторой мере поболее. И окрасит невеста незаметно простыни соком клюквенным, а то и просто гуашью, огласивши при этом истошным воплем своим неестественным и звереподобным спальню, будто в поданом супе обнаружила крысиный хвост, скрывая тем прежний грех с своим тайным совратителем. И умело вонзит в спину твою, окропленную первым любовным потом, накладные ногти, отчего оросишь ты плоть её чрезмерно семенем перезревшим, которая все же затеряется в перезревшем семени другого. И отвернётся от сцены этой архангел, что книжицу держит. И станет смотреть в сторону архангел с чашею в левой руке. И все двенадцать оп-ездолов, вкушавших со стола твоего, предадут тебя, оставивши верным только одного Иуду, который не откажет себе в удовольствии любить обильный стол твой и скрытно доставлять комплимент твоей супруге. И станет жена твоя на сносях и без меры бранчлива. А дом твой наполнят пестрые херуви-

мы и будут тихо порхать в комнатах тебе на радость. Пройдёт немного времени и мир померкнет пред тобою, в одночасье ставши с ног на голову. Народится у вас здоровенький, но капризный дитяtko, кудрявенький и сильно отличный от тебя самого, а в дом твой войдёт теща, языка колкого и со змеиным жалом. И будут клыки её в сто крат острее твоих и в сто крат длиннее твоих. И станет она есть тебя поедом да жалить беспричинно, потому как только этой популяции присуще мракобесие и неистребимость. Приволочет она с собою в дом твой всякого барахла, где будет огонь, вода и даже медные трубы. И будешь ты гореть в Гиенне огненной, тонуть в воде затхлой и всякий раз залезать в прокисшие трубы. И станет теща без спросу заправлять твоими делами. И доходы твои приберет без остатка. Ко всем бедам станет она являться тебе в снах странным образом схожею с нильским крокодилом. И в снах тех будет бить тебя зеленокожею лапою по щекам и загнутым когтем со значением тыкать в твой пачпорт, в самое сердце Сатанинского штемпселя. И сникнут от всего этого херувимы. И рассядутся они по тёмным углам и на карнизах, и перья их уже будут повыщепаны презлым этим диаволом. А жена твоя чревом своим ненасытным будет иссушать тебя со старанием, забираясь без одежд на спинки кресел или совращая тебя самыми греховными открытостию позами, что свойственны лёгким особам. И произнесет один из архангелов, который ничего с собою не носит: – Эх-хе-хе... И грустно вздохнет кто другой

из архангелов, которому и без всяких атрибутов хорошо командуется: – Да уж. И в беде этой пустишься ты в тяжкие, находя утешение в водке и полюбовницах, что будут стопою поменьше и характеру поуживчее. И будешь сам их располагать на спинках кресел и выставлять в срамные позы. И станут поносить тебя на чем свет стоит. И распустят про тебя слухи несуразные. А жена твоя свяжет себя узами нового полюбовника, которого тёща будет знать, как Иуду и привечать лучше родного, и ко всему жену твою выгораживать всячески от твоей обиды. Но настанет время и понесёт тебя нелегкая. Огреешь ты как-нибудь по башке ненавистную тёщу медной трубою, выбрав что поувесистее, и рванешь, удовлетворившись за все страдания на все четыре стороны, станешь влачиться по городам и весям. И тещины клыки более не смогут рвать на тебе шкуру, а жена не сможет удушать тебя своим парфюмом. И бросишь ты семью свою, на радость Иуде и всем окружающим. И открестится от тебя сам черт, запутавшись в кутежах твоих и развратничестве. И уже любые архангелы не будут отворачиваться, а начнут подсматривать, как ты предаешься блуду и куражишься. И вскоре, по прошествии небольшого времени подберешь ты себе супругу скромную, запаха неудушливого, со стопою изящною и маленькой, а взором потупленным, но у которой будут двое ребяток разной масти и в строжайшей тайности содержаться два полюбовника из округ. Кроме этого багажа за ней будет числиться один тридцатисемилетний балбес с оранже-

вым ирокезом, помеченный в телефонной книге отчего-то Ниночкой. И в этом счастье встретишь ты старость свою. И, наконец, выделится время и возьмёшься ты за любимое занятие, которое долго носил под сердцем. Но доделать его уже не успеешь, ибо нет завершенности в мире земном, а время человеческое ничтожно. Так было и так будет во веки веков. И дай Бог не сбыться сему завсегда сбывающемуся пророчеству. Аминь, сын мой.